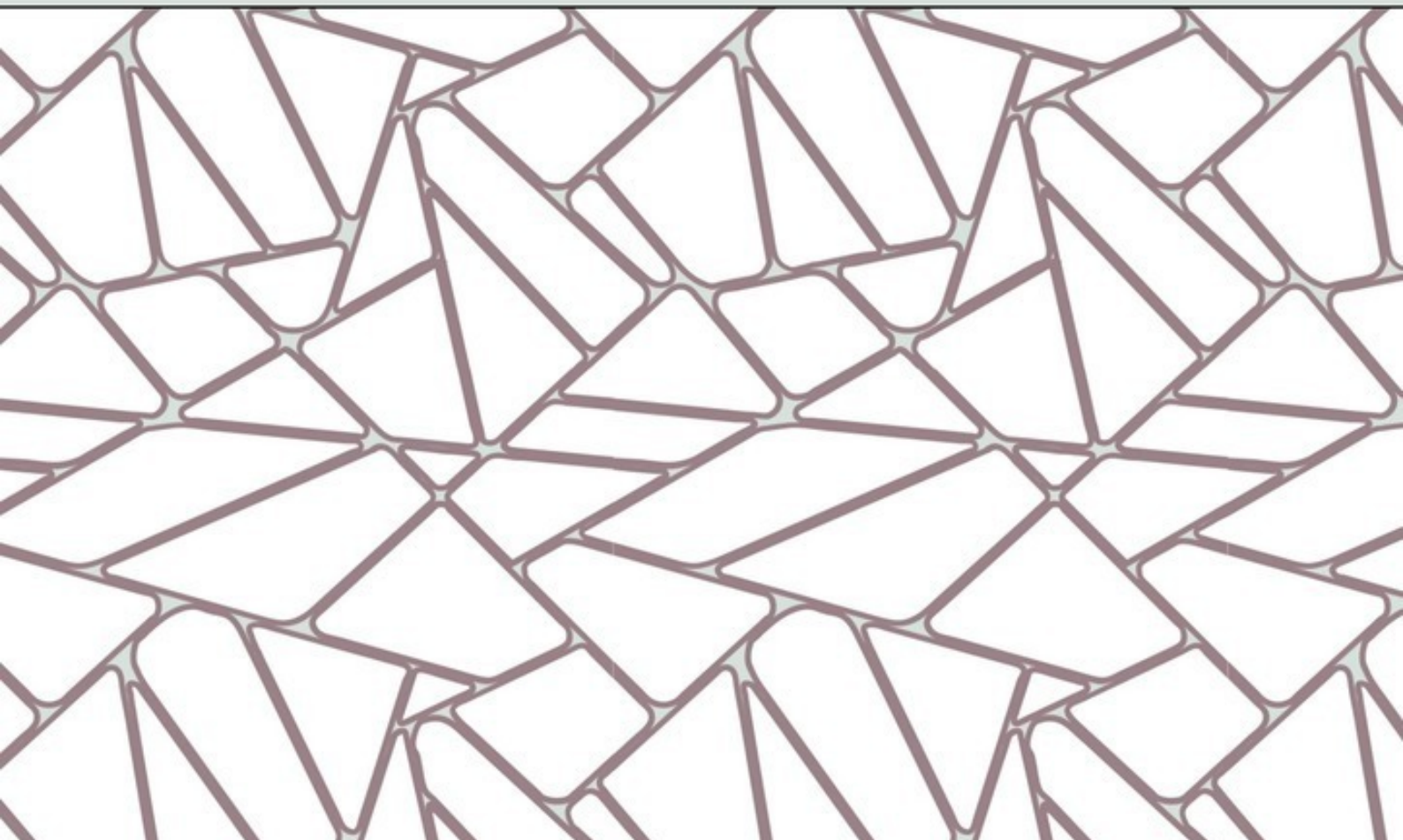

Владимир Зангиев

*Право
отверженных*

Повесть

Владимир Зангиев

Право отверженных. Повесть

«Издательские решения»

Зангиев В. А.

Право отверженных. Повесть / В. А. Зангиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838004-4

В повести речь идёт о том смутном периоде 90-х годов, когда рушилась могучая Советская империя. Республики захотели суверенитета и началось брожение в обществе. На примере русской семьи, вынужденной бежать на историческую родину из Таджикской ССР, показана трагедия отдельной ячейки общества.

ISBN 978-5-44-838004-4

© Зангиев В. А.
© Издательские решения

Содержание

ПРАВО ОТВЕРЖЕННЫХ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Право отверженных Повесть

Владимир Зангиев

© Владимир Зангиев, 2017

ISBN 978-5-4483-8004-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРАВО ОТВЕРЖЕННЫХ

(повесть)

Таджикская ССР. Областной центр Курган-Тюбе, где дислоцируется 201-я мотострелковая дивизия. В городе располагается трансформаторный завод Союзного значения. На окраине областного центра строится большой хлопко-прядильный комбинат. Недалеко от Курган-Тюбе производит калийные удобрения азотно-туковый завод. Реку Вахш перегородила плотина гидроэлектростанции. В обычном режиме функционируют и другие более мелкие производства

1 сентября 1988 года. Во дворе второй городской общеобразовательной школы толпится народ: родители, дети, учителя. Все нарядно одеты, много цветов. Ну как же! Сегодня начало нового учебного года. А вот и самые маленькие. Они испуганно жмутся к мамам, не отпускают родительских рук. Сегодня они идут в первый класс.

Владислав и Маша привели дочь Викторию. Здесь она начнёт свой путь в замечательную страну знаний.

– Владик, вон там наш первый «Б» собрался. Пошли туда, – активно протискиваясь сквозь плотную толпу, устремляется Маша к знакомым уже лицам родителей одноклассников дочери.

– Здравствуйтесь! Ну как тут наши дела? – радостно обращается Владислав к родителям с детьми.

– Неважно, – хмуро осаживает его радостный порыв солидная дама в брючном костюме. – Там у кого-то лист с протестующим заявлением родителей, поставьте, пожалуйста, тоже свои подписи.

– А в чём дело? – встревожилась Маша.

– Не пускают наших детей в ранее предоставленный класс, – подключается к разговору женщина в гипюровой кофточке.

– Как не пускают? Нам уже место показали в среднем ряду за второй партой, – опешила Маша.

– Так что случилось? Объясните нам толком, – обратился Владислав к собравшимся родителям.

– Директор школы заявил, что два первых класса – «Б» и «В» переходят для обучения в таджикскую школу, а на их место переводят два таджикских класса из ближайшего к городу кишлака, – разъяснила родительница с пышной копной рыжих волос.

– Это теперь наши малыши будут в кишлаке учиться на таджикском языке? – Маша обалдевшими глазами уставилась на рыжую.

– Да. Так за нас решили.

Все окружающие хором завозмущались:

– Это самоуправство... Не имеют права... Надо жаловаться на школьное руководство... Недопустимое нарушение норм советской морали... Немыслимое пренебрежение законом об образовании...

Влад понял, что все эти пустые разглагольствования никакого результата не принесут. Необходимы решительные действия. За годы проживания в южной республике он хорошо изучил характер коренных жителей. На их тупую ослиную упёртость можно повлиять только активными действиями.

– Надо идти к директору школы и с ним разбираться и добиваться своего, – предложил Владислав.

Сразу все громко возмущавшиеся сбавили пыл, никто явно не хотел проявлять активность на деле. Легче было повозмущаться среди толпы, а как дошло до дела, то пусть кто-нибудь другой берёт на себя ответственность. С подобной обывательской психологией молодой родитель много раз сталкивался, а посему ни на кого и не собирался рассчитывать.

– В общем, как хотите, а я пойду и потребую, чтоб моего ребёнка оставили в этой школе, – решительно заявил он.

Мамаши с папашами враз заволновались:

– Подождите, сейчас выберем наиболее активных, и вы отправитесь как уполномоченная группа родительского актива, избранная для ведения переговоров.

Женщины проявили наибольшую решительность. Мужчины же хмуро стояли поодаль. С Владом пошла рыжая, которую звали Яной, и Лилия Леопольдовна – активистка в брючном костюме.

Директор школы Маматкулов родительскую делегацию принял откровенно недружелюбно. Даже не предложил присесть. В его просторном кабинете находились ещё двое представителей таджикской национальности. Один из них – молодой мужчина был явно из прокуратуры, что заметно было по его синему мундиру. Вторая – женщина с высокомерно-напыщенным выражением лица всем своим видом изображала ужасно ответственного руководителя. Ясно было, что погоду здесь делает она. Одетая полномочная таджичка была в национальный балахон невыносимо пёстрой расцветки, из-под которого виднелись такие же пёстрые штаны-шаровары. Все трое вызывающе-небрежно развалились на стульях, тем демонстрируя своё преимущественное положение. Делегатам пришлось стоя перед хозяевами положения вести переговоры.

– ...На каком основании вы решили за нас в какой школе должны учиться наши дети? – решительно вопрошал Влад у самоуправцев.

– Это директива городского Отдела образования и я выполняю его предписание, – парировал Маматкулов.

– Не может ГорОНО решать за родителей этот вопрос, и вы это прекрасно понимаете, – наседавал возмущённый родитель.

– Я всего лишь директор школы и вам сейчас лучше всё разъяснит Зибениссо Рустамовна. Она заместитель заведующего ГорОНО и в курсе всех событий.

Таджичка неприязненно полоснула кинжальным взором своих жгуче-чёрных очей уполномоченных делегатов:

– Эта акция проводится с целью интернационального воспитания подрастающего поколения.

– Вы проводите что хотите, но за своего ребёнка я буду решать сам.

– Вы живёте на территории Таджикской республики и будете исполнять наши установки.

– А что, разве Таджикистан уже не входит в состав Советского Союза и здесь другие законы?

– Ах, вы против сближения русского и таджикского народов! Да такие, как вы, сеют рознь между нашими братскими народами. Мы найдём как таких урезонить. Это отдаёт откровенным национализмом.

– Вы вообще отдаёте себе отчёт что тут несёте?

– Как вы себя ведёте вызывающе, молодой человек, – вмешался в диалог картинно возмущившийся Маматкулов. – С вами необходимо поговорить отдельно. Я попрошу вас, женщины, покинуть мой кабинет, мы будем беседовать с глазу на глаз с вашим безответственным товарищем.

Родительницы, бурча себе под нос что-то неразборчивое, тем не менее, покорно освободили кабинет. Влад остался один.

– Как ваша фамилия? – наконец подал голос представитель прокуратуры, недобро сверкнув наполненным официальностью взором.

– Панин моя фамилия.

– Гражданин Панин, я вам официально заявляю, что вы сеете неприязнь между народами и распространяете расистские идеи. Для вас это может закончиться печально, поскольку чревато уголовным преследованием. Есть статья за дискриминацию в Уголовном кодексе, и вы вполне подпадаете под её юрисдикцию.

– Ах, это я сею расизм! Я вижу, с вами бесполезно разговаривать нормальным языком. Тогда до свидания. Отсюда я прямо отправляюсь в Горком партии и в городской отдел КГБ. Там быстро разберутся кто допускает дискриминацию и сеет рознь между народами...

Владислав раздражённо направился к выходу. Среди таджиков от столь напористого посетителя распространилось замешательство, сразу спал пыл нахрапистости.

– Подождите, товарищ Панин, – позорно уронив сановный тон, остановила переговорщика представительница ГорОНО. – Давайте всё-таки решим вопрос цивилизованно. Что вы так сразу идёте на принцип. Ведь можно обойтись без радикальных мер.

– Это вы сами вынуждаете меня на решительные действия. Я согласен на цивилизованный подход к решению создавшейся проблемы. Так как разрешим наш вопрос?

– Вы садитесь, садитесь к столу, товарищ Панин, – расшаркался поставленный на место директор школы. – Значит, так. Мы оставляем вашего ребёнка в нашей школе и на этом давайте закончим спор.

– Что? А как же остальные дети? – опешил Владислав. – Вы так ничего не поняли. Я не оставлю безнаказанным этот акт самоуправства и добьюсь, чтоб соблюдались родительские права. Мне не о чём больше с вами говорить, – Влад резко поднялся со стула.

Троица заметно нервничала. Во взглядах застыла неприкрытая неприязнь к назойливому русскому. Они ощутили свою ничтожную роль в этом бездарном спектакле и явно спасовали перед ответственным родителем. И Зибениссо Рустамовна, с едва скрываемой ненавистью, выдавила из себя, обращаясь к посетителю:

– Подождите за дверью, мы вынесем решение и объявим вам результат.

И через некоторое время ранее назначенная классным руководителем учительница явилась к негодующим родителям первого «Б» и повела их детей в отведённый для занятий класс. А первый класс «В» отправили на обучение в кишлачную школу.

* * *

В СССР уже произошли многие значительные события, кардинально повлиявшие на обстановку в государстве. Закончился так называемый «застойный» период. Скончались несколько престарелых руководителей страны. Все понимали как назрели кардинальные изменения в Советском Союзе, насколько необходимы реформы. Встрепенулись радикальные силы в союзных республиках. Случилась черныбыльская трагедия. Запылал Нагорный Карабах. Да и в других местах наметились «горячие точки». Новый государственный лидер Михаил Горбачёв своей нерешительностью и либерализмом допускал стратегические просчёты во внутренней и внешней политике, от чего страна теряла с трудом завоёванные плацдармы в мире и роняла свой авторитет. Внутри СССР тоже назревал неминуемый распад. На это открыто уповали появившиеся вдруг националистические предводители в республиках. Антагонистические настроения к России уже не скрывались. Таджики вызывающе пренебрегали правами русского меньшинства на своей территории.

В Курган-Тюбе на центральной городской площади установили трибуну и там ежедневно выступали эмоциональные исламские фундаменталисты. Они сеяли экстремистские идеи в души внимающих им, собравшихся толпой, молодых таджиков. Для пущего эффекта многоваттные усилители разносили вокруг на порядочное расстояние экстремистские призывы выступающих. С некоторых пор к площади были выдвинуты пару десятков омоновцев, которые, грозно внушая уважение своей гладиаторской экипировкой, тем не менее, не вмешивались в действия новоявленных лидеров и безучастно взирали на происходящее.

Видя бесперспективность дальнейшего пребывания в Таджикской республике, русскоязычное население стало покидать её. Многочисленные случаи насильственных действий в отношении русских способствовали их скорейшему отбытию на свою историческую родину.

Дома вечером за ужином Маша говорила Владу:

– Знаешь, сегодня на работе Ольга рассказывала что творится в Душанбе. В учебных заведениях таджики жестоко избивают русских учащихся и изгоняют их прочь. У неё сын блондин, так не может вообще на улице появляться – там на него целую охоту устраивают. Несколько дней назад еле до дома добрался. За ним в погоню бросилась какая-то группа таджиков. Он стал убежать. Те за ним. Ещё и орут на всю улицу. Впереди появилась другая хулиганская группа. Парню пришлось преодолевать какие-то заборы, сараи, дворы – еле удалось спастись от преследователей. Помогло то, что он занимается спортом. А двоих с их курса толпа распоясавшихся молодчиков так избивала, что те с тяжёлыми травмами оказались в реанимации. Боже мой, что творится! И чем всё закончится?

– Не знаю, – нахмурился Владислав. – Наверное скоро придёт этому беспределу конец. Совсем уже становится недопустимо.

– А у нас на фабрике начальство объявило, что все служащие и инженерно-технический состав будут сдавать экзамен на знание таджикского языка, ибо вся документация скоро станет вестись на языке коренного народа. Совсем непонятно к чему этак придём.

– К этому привело ослабление центральной власти. Пока Горбачёв многочасовые речи болтает, местные ваххабиты делают своё разрушительное дело. Говорят, на Кавказе накаляется обстановка, и особенно в Чечне. Туда возвращаются многие чеченцы, высланные ещё при сталинском режиме.

– Я представляю каково теперь проживающим там русским, – удручающе покачала головой Маша.

– Да. На Кавказе народ покруче, чем наши азиаты. Таджики ленивей и духом слабы. В армии все, кому ни лень, их гнобят. А кавказцев так просто не угомонишь. Ещё не известно чем там всё обернётся. Кругом теперь русских изгоняют, будто мы виноваты в том, что творит власть. В России-то люди живут гораздо беднее, чем во всех этих братских республиках.

– Вот и я не пойму почему это все другие народы ополчились против русских, – недоумевала Маша. – Что мы им сделали плохого? Хотя бы здесь, в Таджикистане, наши специалисты вытащили республику из средневековья, настроили электростанций, современных заводов, благоустроенных домов.

– Не оценили неблагодарные, – согласился супруг.

– У нас на работе только и разговоров о том, куда уезжать.

– Да и у нас многие уже уехали в Россию.

– Владик, может и нам стоит подумать на эту тему?

– Ну, да. Здесь у нас квартира, работа, круг друзей. А куда мы поедем в России?

– Сначала можно к моей маме в Томск. А там видно будет.

– Так и будем скитаться по чужим углам? Кто нам там даст квартиру? Ты же знаешь как сложно в России с этим.

– Господи, и что же нам делать?

– Не волнуйся, Маша, я надеюсь, скоро всё успокоится и войдёт в обычный ритм.

– Твои бы слова, да богу в уши! Но что-то не похоже, что успокоится. Чем дальше, тем больше усугубляется обстановка. Таджики становятся всё более агрессивными.

* * *

С течением времени напряжение в обществе всё более нарастало. Наступил февраль 1990 года. Позже этот период в Таджикистане назовут «чёрным февралём». И вот почему.

12 февраля в Душанбе началось что-то невообразимое. Толпы разъярённых таджиков рыскали по городу и громили магазины, жгли автомобили, останавливали проезжающий городской транспорт и выволакивали обнаруженных там русских. С захваченными жертвами жестоко расправлялись. Женщин насиловали прямо на месте, на глазах у отцов и мужей. Мужчин буквально растапывала неистовствующая толпа фанатиков. Громили и квартиры, где проживали русские семьи. Досталось даже зданию ЦК Таджикистана. Телевидение показывало его выбитые окна и опалённые огнём пустые оконные проёмы. Силы блюстителей законности не в состоянии были навести порядок в городе. Находящийся в Душанбе многочисленный воинский гарнизон не вмешивался в творящиеся безобразия. Так русские семьи оказались заложниками в сложившейся ситуации и вся ненависть распоясавшихся мусульманских фанатиков обрушилась именно на них. Чтоб как-то защититься, в душанбинских микрорайонах спонтанно по инициативе русскоязычных жителей стали создаваться отряды самообороны. Только благодаря этой вынужденной инициативе были спасены многие жизни. Порядок в столице республики был наведён только к 23 февраля после переброски туда войск специального назначения с бронетехникой. Итогом погромов оказались 34 невинных жертвы.

В городе ввели комендантский час. Русские теперь по улицам ходили озираясь, с опаской обходили места скопления таджиков. Началось беспорядочное бегство из республики русскоязычного населения. После прошедших в Душанбе погромов осложнилась обстановка и в других городах. По местному телевидению постоянно выступали официальные лица и убеждали будто обстановка под контролем, призывали всех успокоиться и продолжать привычный образ жизни, заверяли, что подобное больше не повторится. Но население уже не верило властям. В «Новостях» даже показали три десятка задержанных молодых таджиков и среди них выделялся один весьма темпераментный мулла, которым, якобы, предъявлено обвинение в погромах и расправах над мирными жителями. Однако, через несколько дней неизвестно по чьему распоряжению все задержанные были отпущены на свободу. Так все убийства и насилия над русскими семьями сошли с рук таджикским погромщикам.

В Курган-Тюбе в этот самый период делались попытки массовых погромов. Из ближайших кишлаков в город пытались прорваться банды организованной и кем-то управляемой таджикской молодёжи. Но здесь эти отряды фанатиков не были столь многочисленны, как в столице, а посему силам внутренних органов и спецназа удавалось сдерживать их необузданные порывы. Зато за пределами города с захваченными русскими семьями расправлялись жестоко. Переворачивали автомобили, в которых те пытались уехать, – обливали их из заранее приготовленных канистр горючим и поджигали вместе с живыми людьми. Если кто-то пытался выбраться из горящей машины, его зверски забивали арматурными прутами, камнями или резали ножами.

После душанбинских событий из столицы республики прибыл домой сосед Владислава. Это был интеллигентный седовласый старик. Раньше он работал заместителем директора на местном трансформаторном заводе. У Александра Ивановича всё лицо было в кровоподтёках, голова забинтована, правая рука покоилась на перевязи. В глазах пенсионера застыл нескрываемый страх.

– Александр Иванович, что с вами случилось? – ужаснулся Влад.

– Ох, Владислав, что мне пришлось пережить на старости лет. Не дай бог!.. не дай бог!.. Даже в страшном сне такое не привидится, – иступлённо причитал престарелый сосед.

– Да что такое, расскажите толком?

– Ох-хо-хо! Поехал я в Душанбе дочь навестить, внуков повидать. А там такой кошмар начался. Людей убивали прямо на улице. Кругом бесчинствовали толпы озверевшей таджикской молодёжи. Крики, пожарища, стрельба накрыли весь город. Все дни погромов мы тряслись от страха, закрывшись в квартире.

– И когда же вам так досталось?

– Это уже позже случилось. Когда по телевидению объявили, что ситуация взята под контроль и все могут успокоиться, я поспешил уехать домой. В город нагнали много войск и милиции, поэтому создалось впечатление будто наведён порядок наконец. На автовокзале я купил билет на междугородный автобусный рейс Душанбе – Курган-Тюбе. Ещё так удивился, что обычно переполненный автобус оказался полупустым, а русских пассажиров сидело всего несколько человек. Из столицы выехали благополучно. А чуть дальше за городом дорога оказалась перегорожена легковыми автомобилями. Наш автобус остановили, и группа молодых таджиков ворвалась внутрь. Они выволокли всех русских наружу и принялись избивать. Среди нас оказалась одна девушка. Господи, что они сделали с ней! С неё стали прямо тут же срывать одежду. Бедняжка пыталась сопротивляться. Эти звери её повалили и избивали ногами. А потом насильовали у нас на виду. Когда бандиты вдоволь натешились, они освободили дорогу и разрешили проехать автобусу. С помощью водителя побитые русские кое-как забрались в автобус, занесли с собой и изувеченную девушку. У неё были выбиты передние зубы и вытек один глаз. В Ленинском районе мы передали пострадавшую на руки врачам местной больницы.

От услышанного у Влада зло заходили желваки на скулах. «Так вот что может случиться и с нами», – пронеслась в мозгу лихорадочная мысль. И он вопрошающе взглянул на собеседника:

– Да-а! Что же теперь нам делать?

– Остаётся одно. Поскольку на власть не стоит рассчитывать, значит нужно по примеру душанбинцев создавать и у нас в городе отряды самообороны.

– Пожалуй это единственное средство, чтоб защитить наши семьи от расправы.

Владислав немедленно собрал соседей-мужчин и посвятил их в свой замысел. Долго убеждать никого не пришлось – все согласились с резонным предложением. Так был создан в Курган-Тюбе первый отряд самообороны и командиром единогласно был избран сам его организатор. В отряде собралось около 80 человек. Влад установил круглосуточные дежурства. Теперь в центре их Заводского района всегда находилась группа вооружённых арматурными прутами мужчин. Тут же располагался металлический гараж Владислава, где скрывался арсенал из 16 охотничьих ружей и приготовленных бутылок с бензином. В случае тревоги дежурные должны были стучать стальными прутами по железным стенам гаража, тем подавая сигнал тревоги. Это означало всеобщий сбор и все обязаны были немедленно сбегаться к гаражу. Вскоре отряд был внесён в оперативный план обороны города. Патрулировавшие город силы правопорядка периодически навещали отрядных дежурных. При необходимости теперь нужно было звонить по указанному телефону и вызывать подкрепление.

Несмотря на предпринятые меры, под видом обычных жителей в город просачивались поодиночке радикально настроенные молодчики и периодически пытались дестабилизировать обстановку. Кто-то организовывал таджикскую молодёжь в группировки, которые рыскали по городским улицам, избивали попадавшихся русских, били стёкла в окнах, пытались чинить погромы. Но пока силам сдерживания удавалось предотвращать в городе массовые беспорядки.

В Заводском районе обстановка была наиболее спокойной, ибо отряд самообороны здесь держал ситуацию под контролем. Днём в районе во дворах даже мирно играли дети и в обычном режиме функционировали магазины. Были случаи когда вооружённая камнями и палками

группировка таджикской молодёжи, разбивая оконные стёкла, ломилась по центральной улице района, но столкнувшись на пути с организованным отрядом самообороны, останавливалась метрах в пятидесяти. Чувствуя решительно настроенное сопротивление, таджики не решались вступить в открытое столкновение и позорно застопоривали свой ход. В адрес пикетчиков тогда летели оскорбления, а иногда и камни. Но командир отряда категорически запретил своим людям поддаваться на провокации и только по его команде вступать в решительные действия. Случалось иногда, что какие-то незнакомые личности таджикской национальности бродили по району и что-то высматривали. Изредка такие лица даже заговаривали с защитниками района, осторожно выведывая для себя нужные сведения. Так они знали в лицо всех участников отряда самообороны и их командира. Особенно напряжёнными были дни и ночи, когда очередное неформальное бандитское формирование пыталось прорваться в город. Тогда патрульные БТРы и боевые машины пехоты выдвигались навстречу и силами спецподразделений оттесняли агрессивную таджикскую молодёжь подальше от города.

Дочь свою Владислав ежедневно отвозил в школу и забирал после занятий. Дважды в учебное заведение подкладывали взрывное устройство. К счастью, взрывчатка вовремя была обнаружена и обезврежена.

Люди продолжали покидать Таджикистан, бросая квартиры и нажитое за многие годы добро. Таджики бесцеремонно занимали освобождающиеся квартиры и овладевали чужими вещами. Невозможно стало раздобыть железнодорожный контейнер, чтобы вывезти свои вещи в Россию. Бросая всё, уезжали русские специалисты. Стали останавливаться производства. Курган-Тюбинский аэропорт расположен в нескольких километрах за городом. Туда устремились русские беженцы. Дорога в аэропорт проходила мимо двух кишлаков. Здесь-то и ждали спасающихся бегством несчастных распоясавшиеся мусульманские фанатики. Людей убивали семьями, а машины сжигали. Ни рейсовые автобусы, ни такси больше не ездили в аэропорт.

В это время соседи Влада Колесники собрались уезжать. Достали билеты на самолёт и ожидали дня отлёта. А тут, как назло, снова обострилась обстановка и в день отбытия ни таксисты, ни знакомые автовладельцы не соглашались ни за какие деньги ехать в аэропорт. Семья сидела на собранных чемоданах и рыдала. Сам Николай Петрович безнадежно метался в поисках транспортного средства. В подъезде столкнулся с Владом. Раньше у них как-то не сложились отношения, и они лишь холодно здоровались при встречах. А тут такая критическая ситуация. И от безвыходности Колесник завёл разговор с соседом:

– Владислав, вот и мы уезжать собрались.

– Что ж поделаешь, Николай Петрович, многие сейчас уезжают. Не знаю сам сколько здесь продержусь. Супруга тоже настаивает на отъезде.

– Да. Не остаётся другого выхода – приходится бежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.